

С М Ъ С Ъ.

ЮРАЦКАЯ СКАЗКА

про Япта-Солянъ-Лохэя и про красавицу Нохой.

Сказку эту прислалъ мнѣ изъ Туруханскаго края Т. П. Ивановъ, который далъ мнѣ возможность и раньше записать нѣсколько юрацкихъ сказокъ, изъ которыхъ три были напечатаны въ „Извѣстiяхъ“ Отдѣла въ XXV томѣ въ книжкѣ № 1.

Сказка эта по содержанию почти одинакова со второй изъ напечатанныхъ тамъ сказокъ, но эта заключаетъ, кромѣ фабулы, описанiе нравовъ юраковъ. Т. Ивановъ называетъ сказку былинной, потому что она рассказывается на распѣвъ.

„Еще разъ спрашиваю тебя, красавица Не-Нохой, пойдешь ли ты за меня замужъ?“ Согласiе отъ твоего отца и имѣю, мать твоя также согласна; не безызвѣстно тебѣ также и то, что я настолько богатъ, что отказа отъ твоихъ родителей не могу и получить. Ты слышала, навѣрное, что я не убавилъ ни одного песца, ни одной лисенцы и волка, когда условливался на счетъ калыма; что въ головѣ калыма пойдутъ не три быка оленей, которыми дорожить мой отецъ; ты знаешь красавица, что у моего отца десять тысячъ оленей и за тебя въ калымъ пойдутъ 300 штукъ.

За этотъ калымъ можно купить трехъ женъ, но я желаю только одну тебя, красавица Не-Нохой!

Отвѣчай же мнѣ, я жду твоего отвѣта.

— Япта Солянъ-Лохэя, я бы и пошла за тебя, но у тебя одна только голова*), а упадетъ она, больше ужъ не воскреснетъ. Къ тому же я дала уже слово Самлянга-Вэра; вотъ у него пять головъ; если одна упадетъ, еще четыре останутся; если двѣ упадутъ, три останутся, если три упадутъ, двѣ будутъ живы, если и четыре упадутъ, то одна все-таки будетъ жива; но не можетъ же быть, чтобы всѣ пять головъ упали.

„Хорошо же, красавица Не-Нохой, я насильно тебя не возьму, иди за того, за кого хочешь, только помни: если узнаю когда, что ты бѣдствуешь, никогда не взгляну даже въ ту сторону, гдѣ твой чумъ“.

*) Т. е. нѣтъ братьевъ или близкихъ родственниковъ.

Солынг-Лохэ выскочилъ изъ чума, сѣлъ на своихъ оленей и такъ ударилъ ихъ вожжей, что тѣ въ жизни своей ничего подобнаго не слыхали, взвились и понесли такъ, что поднимавшаяся пыль за его санками представляла изъ себя катящійся по водѣ клубъ тумана.

Я осталась одна *), родные мои, отецъ и мать, напустились на меня, упрекая, что я уже въ третій разъ отказала такому богачу и промышленнику, къ тому же княжескаго рода, тогда какъ Самлянга-Вэра былъ бѣденъ, не промышленникъ и не княжескаго рода.

Я, конечно, молчала.

На завтра Самлянга-Вэра посылаетъ сватовъ; отецъ вырядилъ въ калымъ 300 оленей важенокъ, (самокъ) 300 песцевъ, 100 лисицъ, 100 волковъ, бобровъ на 3 парки, три оленя лучшихъ въ голову калыма.

Черезъ два дня къ намъ, въ стоянку привезли калымъ; отецъ принялъ калымъ, и по обычаю нашему пригласилъ въ чумъ жениха, поѣзжанъ и рабочихъ.

Начался свадебный пиръ, на которомъ рѣшено было, что Самлянга-Вэра пріѣдетъ за мной чрезъ недѣлю.

Въ теченіи этой недѣли приготавливали мое приданое, которое состояло изъ 15 грузовыхъ санокъ, 3 легкыхъ, 2 выѣздныхъ для меня самой, чума, который укладывался на 10 нартъ; кромѣ грузовыхъ и чумовыхъ санокъ, прочіе были покрыты покрывалами изъ разноцвѣтнаго сукна, шаркунцовъ и колокольцевъ было безъ счета, чембуры **) у оленьихъ уздъ всѣ изъ желѣзной дѣли.

Не смотря на такія заботы обо мнѣ, я замѣчала однако же, что отецъ, а особенно мать, не охотно отдають меня за моего избраннаго жениха.

Чрезъ недѣлю Самлянга-Вэра пріѣхалъ за мной съ поѣзжанами, съ своимъ отцемъ и матерью.

Я конечно, настолько разчувствовалась при прощаніи съ отцемъ и матерью, что не помню, какъ меня сваха и на санки унесла, и не слыхала, когда сваха и подруги на передніи санки скакали ***) , да и правила оленями не я сама, а одна изъ моихъ подругъ.

Я почувствовалась тогда только, когда дорогой къ моимъ санкамъ подѣхали рядомъ санки Самлянга-Вэра, и онъ сталъ заигрывать со мной, называя меня по имени.

Я не отвѣчала ему ни слова, и онъ, недобившись отъ меня отвѣта, отвѣхалъ отъ моихъ санокъ.

Когда пріѣхали въ становище моего мужа, я хотѣла отречь оленей и поставить чумъ, но подскочили работники, работницы и сестры моего мужа и не дали мнѣ этимъ заниматься, говоря, что это все они сдѣлають сами.

Пошли вопросы, разговоры; гости и родственники удивлялись моему большому

*) Сказка ведется отъ имени Не-Нохой.

**) Поводья.

***) Обычай есть у юраковъ, когда поѣздъ тронется, сваха и подруги догоняють передніи санки и если догоняютъ, получаютъ подарки.

приданому, хвалили моего отца и поздравляли свекра, что онъ ничего не потерялъ, заплативъ большой калымъ; говорили, что Самянга-Вара счастливецъ и сумѣлъ отбить у богача Лохэ нефѣту, такую красавицу, что ей подобно можетъ быть развѣ только одно солнце.

Не прошло и часу, какъ чумъ мой былъ готовъ; и, по обычаю, развела огонь сама, велѣвъ за мной въ чумъ вошелъ мой мужъ, я приготовила ему всю новую одежду: бокари и суконную парку. За женихомъ вошли въ чумъ мой свекоръ и гости; рабочіе убили пять жирныхъ оленей для угощенія гостей и поѣзанья, прѣбывавшихъ со мной.

Немного времени спустя прѣехали отецъ и мать съ гостями; моего отца пригласили съѣсть рядомъ съ моимъ мужемъ.

Начался свадебный пиръ или „отгостинья“.

Я съ подружками навѣсила пять котловъ и въ каждый положила по тушѣ оленьяго мяса; еще на закуску сыромятъ было убито пять телятъ; вина было вынито столько, что и на другой день половина гостей была пьяна.

Когда кончилось угощеніе, свекоръ пригласилъ гостей къ себѣ въ чумъ, а мы съ мужемъ остались вдвоемъ въ своемъ чумѣ.

Прошло пять мѣсяцевъ, мой мужъ захворалъ и, прохворавши три дня, умеръ; я плакала и ревѣла, но, конечно, ничего этимъ не помогла.

Одѣвши мужа во все новое, мы завернули его въ нокъ*), положили трупъ на санки, а вмѣстѣ съ нимъ положили его имущество и одежду, которую онъ носилъ при жизни; въ санки братья его запрягли любимыхъ его четырехъ оленей, которыхъ и убили на могилѣ, чтобы онъ и послѣ смерти на томъ свѣтѣ не ходилъ пѣшкомъ, сверхъ запряженныхъ четырехъ оленей, повелъ на убой еще двадцать оленей.

Я, по обычаю, не поѣхала провожать покойника, а осталась дома и окуривала чумъ. Когда наши возвратились съ похоронъ, приглашенъ былъ шаманъ очистить насъ отъ покойника. Шаманъ нашель, что мой мужъ померъ отъ того, что его испортить шаманъ, подкупленный Янта-Солянъ-Лохэмъ и что въ скоромъ времени не избѣгнуть смерти и другіе.

Услыхавъ такія предсказанія, мы пришли въ ужасъ, и свекоръ обѣщаль убить еще 20 звѣрей, чтобы избавитъ отъ такой бѣды.

Шаманъ шаманилъ три дня и три ночи, а потомъ сказалъ намъ, что жертва наша принята.

Проходитъ двѣ недѣли, я живу въ своемъ отдѣльномъ чумѣ, ко мнѣ зашелъ братъ мужа покойнаго и поговоривъ о томъ, о семъ, началъ сватать меня за себя; я въ это время готовила ему угощеніе и отвѣчала, что онъ долженъ обращаться не ко мнѣ, а къ моимъ родителямъ и свекру. Закусивши у меня сырого и варенаго мяса, онъ отправился къ своему отцу.

*) Оленьи шкуры для покрывки чума.

Через некоторое время пришли ко мнѣ въ чумъ мой свекоръ и мужиннъ братъ Четимчей Вэра, который сватался на мнѣ.

Свекоръ спросилъ меня, желаю ли я выйти за него замужъ, я на это отвѣчала, что давать на это согласіе не мое дѣло, что это должны рѣшить отецъ и мать. Свекоръ сказалъ, что это умно, если женщина не беретса рѣшить судьбу хотя и свою, что рѣшеніе всякаго дѣла есть дѣло мужское.

Сейчасъ же будущій мужъ мой побѣжалъ и послалъ свата въ кочевье моего отца, предлагая въ прибавку калыма 20 звѣрей (?) кобылицъ. Отецъ мой заказалъ со сватомъ, что калыма онъ не беретъ, на свадьбу же мою съ Четимчей Вэра согласенъ, но съ условіемъ, чтобы Четимчей пришелъ къ нему жить или чтобы мой отецъ притабунился къ намъ.

Свекоръ и будущій мужъ мой согласились на это.

И стали мы такимъ образомъ жить вмѣстѣ. Что долго разсказывать и чего поименно перебирать: въ теченіи двухъ съ половиной лѣтъ всѣ четыре брата моего мужа перваго, попеременно, были моими мужьями и всѣ померли, померли и свекоръ со свекровью.

Сестры моихъ мужей всѣ вышли замужъ и я осталась одна съ моимъ почти слѣпымъ отцемъ и матерью.

Рабочіе наши почти всѣ разошлись, такъ какъ имъ нечего было дѣлать у насъ: мужья мои, хворая, а затѣмъ умирая, не слѣдили за своимъ хозяйствомъ, которое пришло совершенно въ упадокъ: олени, частью, растерялись въ пургу, частью сдѣлались добычей волковъ.

Настала для меня трудовая жизнь: съ утра до вечера у оленей, иногда и ночью всю сторожишь ихъ отъ волковъ.

Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ олени стали хворать и пропадать, такъ что свекоръ весь табунъ палъ и мы остались безъ оленей, пѣшкомъ.

Я наняла знакомыхъ довести насъ съ матерью и отцемъ до ближайшей рѣки, сдѣлали тамъ изъ лѣсу балаганъ и стали съ матерью промыслять рыбу: слѣпой отецъ не могъ уже и выходить изъ чума.

Поклонники у меня хотя и находились и не прочь были посватать меня за мою красоту и прилежаніе, но какъ-то обѣгали меня, какъ порченую: боялись подвергнуться той же участи, какъ и мои пять мужей.

Лѣтомъ отецъ мой съ горя умеръ, похоронить его мы съ матерью пригласили чужихъ людей, для принесенія жертвы я купила оленя, заплативъ за него суконную нарку съ бобровой опушкой.

Послѣ смерти отца, мать стала меня подговаривать сходить къ Япта-Солянъ-Лохэ и просить его взять насъ къ себѣ.

Въ то время онъ былъ уже княземъ за своего отца Нягоче-Солянъ-Лохэ. Я долго не соглашалась на просьбу моей матери: во мнѣ боролись стыдъ и гордость, мнѣ не

хотѣлось, чтобъ на меня указывали пальцемъ и говорили, что я, сама, отказавши Лохэ, пришла къ нему.

Слезы и просьбы моей матери, а также и непривычка къ нищетѣ, а пуще всего скука—сидѣть на одномъ мѣстѣ, безъ оленей, никуда не съѣздить, одолѣли меня и я согласилась.

Наняли мы съ матерью двое санокъ и поѣхали въ то кочевье, мимо котораго поѣдетъ Лохэ, когда повезетъ сдавать ясакъ съ своей орды.

Въ кочевьѣ остяцкаго князя очень удивилсь, что мы пріѣхали одиѣ и на чужихъ оленяхъ.

Когда мать рассказала нашу жизнь, всѣ удивлялись и жалѣли насъ.

Черезъ нѣсколько дней мы услышали, что Лохэ пріѣхалъ и сдаетъ ясакъ остяцкому князю.

Мы пошли и стали такъ, что Лохэ, по выходѣ изъ чума, не могъ не видѣть насъ. Дѣйствительно, онъ увидаль мою мать и подошелъ къ ней; она, по нашему обычаю, поцѣловала его въ обѣ щеки. Онъ сталъ ее спрашивать, откуда она взялась и почему въ такой плохой паркѣ; молча выслушивалъ онъ рассказъ моей матери; но когда мать дошла въ своемъ рассказѣ до того мѣста, гдѣ шаманъ увѣрялъ насъ, будто Лохэ насъ испортилъ, Лохэ перемѣнился въ лицѣ и увѣрялъ мою мать, что это неправда и что онъ шамана не подкупалъ.

Когда Лохэ спросилъ гдѣ теперь Нохой, мать спросила его: ты или слѣви или гордь, если не узнаешь ту Нохой, которая теперь хотя и въ рубищѣ, но за которую ты раньше отдалъ бы свою голову.

Не сказавъ ни слова, Лохэ взглянулъ мелькомъ въ мою сторону.

Я стояла отвернувшись отъ него и плакала отъ униженія и горя.

Лохэ сталъ приглашать мою мать поѣхать съ нимъ въ его чумъ; мать отвѣчала, что она не поѣдетъ одна безъ дочери. На это Лохэ сказалъ, что у него нѣтъ на санкахъ мѣста для меня, а если я хочу къ нему въ чумъ ѣхать, могу сѣсть съ кѣмъ-нибудь изъ его рабочихъ.

Я, конечно, разсердилась на это, но мать стала меня упрекать и уговаривать не сердиться, такъ какъ всему этому виной была я же сама и потому не должна сердиться, хотя бы мнѣ говорили и грубоети.

Я согласилась, сѣла съ одной его работницей и мы поѣхали.

Дорогой я спрашивала работницу, какъ живетъ Лохэ; она рассказала мнѣ, что онъ не женатъ и на всѣ увѣщанія своихъ родственниковъ жениться, только упорно молчитъ, ни одна дѣвушка не пользуется его расположеніемъ. Я заключила изъ этого, что Лохэ еще не забылъ меня. Сердце мое наполнилось радостью и я, послѣ многихъ лѣтъ горя и слезъ, вновь почувствовала въ своемъ сердцѣ пламя любви.

Когда пріѣхали въ чумъ Япта-Солянъ-Лохэ, онъ пригласилъ мою мать сѣсть, подалъ ей оленью шкуру, мнѣ же не сказалъ ни слова. Я сѣла у порога чума.

Когда подали ѣсть, матери подали въ чашкѣ, а миѣ дали прямо въ руки, какъ собаку кусокъ мяса, до котораго я даже и не дотронулась.

Наѣвшись, всѣ легли спать; въ чумѣ расположились люди такъ, что на одной сторонѣ спали работницы, на другой Лохэ и моя мать; я, какъ сидѣла у порога, такъ и свернулась тутъ же спать, мать, конечно, постыдилась позвать меня неприглашенную лечь съ собой.

Дождавшись полночи, я потихоньку подползла къ Лохэ, увѣренная, что онъ не спитъ и обняла его. Онъ схватилъ меня за волосы и оттолкнулъ отъ себя съ такой силой, что я упала опять на прежнее мѣсто, къ порогу; съ рыданьями и плачемъ отъ безысходной злобы на себя и свою слабость, я заснула и проспала до утра.

Чтобъ не повторять одно и тоже, скажу короче, что чрезъ три ночи Лохэ уже не сталъ меня отталкивать, я же, съ наступленіемъ полночи, не могу удержать себя, чтобъ не быть подлѣ Лохэ.

И вотъ въ одну ночь я стала спрашивать Лохэ, могу ли я быть прощена когда-нибудь имъ.

Онъ отвѣчалъ, что было время, когда и онъ также, какъ я теперь, ползаль и унижался у моихъ ногъ, предлагая за мою любовь все, что онъ имѣеть.

— Если бы ты что-нибудь потребовала отъ меня—говорилъ Лохэ—я пошелъ бы на все, но ты ничего у меня не просила, а просто отказала миѣ, и я ушелъ отъ тебя; зачѣмъ же ты, такая гордая, пришла ко миѣ и просишь у меня состраданія. Вотъ тебѣ мой отвѣтъ: я еще люблю тебя и не могу отказать тебѣ ни въ чемъ.

Но чтобъ люди не смѣялись или въ наказаніе миѣ, Лохэ заставилъ меня мѣсяцъ рубить дрова и варить ѣду рабочимъ.

Теперь только я узнала, что за сердце было у Лохэ и какого человѣка потеряла я когда-то по своей глупости.

Но благодаря Бога, я нашла его не измѣнившимся ко миѣ.

Нечего говорить, конечно, что я всѣ требованія Лохэ исполнила по первому приказанію и впоследствии стала его женой, чему доказательствомъ служатъ нѣсколько сыновей и дочерей.

А. Кытмановъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

СТАТИСТИКА РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

XXVII.

Волости и населенныя мѣста 1893 года, вып. 4-й. Иркутская губернія. Изд. Центральной Статистическаго Комитета М. В. Д. С.-Пб. 1894 года.

Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ предпринято въ 1887 году описаніе отдѣльныхъ губерній Россійской имперіи, напечатанное въ 1892 г. подъ названіемъ „Волости и гмины 1892 г.“.